

Adorno%20Prisms%20%28Studies%20in%20Contemporary%20German%20Social%20Thought%29.pdf

7. Бродский И. Нобелевская лекция // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. В 7 тт. – СПб: Пушкинский фонд, 2001. – Т. 1. – С. 5-16.
8. Селин Л.-Ф. Север; Ригодон: Романы / Пер. с франц. М. и В.Кондратовичей, В.Брюггена. – Харьков: Фолио, 2003. – 655 с.
9. Стайрон У. Выбор Софи / Пер. с англ. Т.Кудрявцевой. – СПб.: ЛИК, 1993. – 704 с.

Загребельна Н.К., канд. філол. наук, доцент

Національний педагогічний університет імені М.П.Драгоманова, Київ

ОСНОВНИ ТЕНДЕНЦІЇ ОСМИСЛЕННЯ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ В ЛІТЕРАТУРІ ЗАХОДУ

У статті розглядаються основні тенденції осмислення Другої світової війни в літературі Заходу: моральний реалізм, чорний гумор та усвідомлення досвіду іншого.

Ключові слова: війна, Друга світова війна, моральний реалізм, чорний гумор, розуміння.

Zagrebelnaya N.K., candidate of Philology, associate professor

National pedagogical M.P. Dragomanov university, Kyiv

GENERAL TENDENCIES OF COMPREHENSION OF THE SECOND WORLD WAR IN THE LITERATURE OF WEST

The article deals with the general tendencies of comprehension of the Second World War in the literature of the West: moral realism, black humor and realizing of an Other's experience.

Key words: war, Second world war, moral realism, black humor, comprehension.

УДК 821.161:82-31С.Кржижановский

Шуберт А.Н., канд. філол. наук, доцент

НПУ імені М.П. Драгоманова, Київ

ЖИЗНЕПОДОБНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В НОВЕЛЛИСТИКЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

В статье исследуются жизнеподобные типы героев новеллистики С.Д.Кржижановского: художник, мыслитель, художник, синестезийный тип. Систематизированы типические черты в изображении жизнеподобных персонажей: профессиональная сфера, отсутствие имени, общность портретных характеристик, трагизм бытия: потеря идентичности и абсурдизация жизни.

Ключевые слова: С.Д. Кржижановский, концепция человека, переходная эпоха, жизнеподобный тип: художник, мыслитель, философ, синестезийный тип.

© Шуберт А.Н., 2015

Постановка проблемы. Вопрос о человеке и его идентификации, его положении в мире, его связях и отношениях является ключевым как для искусства в целом, так и в рамках творчества конкретных писателей. Исследование проблемы литературного героя в переходную эпоху рубежа XIX-XX веков стало уже традиционным. По мнению исследователя концепции личности в литературе постмодернизма А.Ю. Мережинской, интерес к проблеме человека повышается с рубежа XIX-XX веков, так и в течение XX-го века [1:31]. А кардинальная смена представлений о человеке может служить критерием выделения и периодизации культурных эпох. Соответственно, сдвиг в концепции человека выполняет определяющую роль в переходное время.

Данную мысль подтверждают многочисленные исследования концепций личности в различные культурные эпохи Д.С. Лихачева (древнерусский период и XVIII), А.М. Панченко («петровский период»), Л.Я. Гинзбург (литература XVII-XXв.) и др. [2; 3; 4; 5].

Исследование творчества любого писателя интересно и целесообразно в целостности, то есть огромное значение имеет осмысление совокупности периодов творческой жизни автора. В случае с С.Д. Кржижановским, работавшим над корпусом новеллистических книг на протяжении всей жизни, данный подход оказывается логичным и необходимым.

В последнее десятилетие наследие этого оригинального прозаика и литературоведа продолжает активно изучаться. Однако, к сожалению, на сегодняшний день существует ограниченный круг научных работ, посвященных специфике творчества С.Д. Кржижановского. Это диссертации: Н.Ю. Буровцевой «Проза С.Д. Кржижановского: проблемы поэтики» [6], И.Б. Делекторской «Эстетические взгляды С. Кржижановского (от шекспироведения до философии искусства)» [7], Л.В. Подиной «Пространство и время в художественном мире С. Кржижановского» [8], А.В. Синицкой «Пространственность и метафорический сюжет: на материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова» [9], А.А. Манскова «Поэтика музыкальных новелл С. Кржижановского» [10] и др.

Поливекторность научных поисков и частный характер заявленных аспектов свидетельствуют о том, что единые подходы исследования творчества С.Д. Кржижановского пока не сложились, что обусловило **актуальность** исследования. А вопрос о специфике литературного героя С.Д. Кржижановского не заявлен ни в одной исследовательской работе, что актуализирует **цель** данной работы: рассмотреть концепцию человека и способы ее художественного моделирования в аспекте реализации переходной поэтики.

Изложение основного материала исследования. Как правило, среди персонажей С.Д. Кржижановского в количественном отношении литературные герои жизнеподобного типа не доминируют, а разрабатываются в двух основных подтипах. Это, во-первых, «думальщики»: философы, люди науки и т.п., в которых преобладает «рацию», «логос», и персонажи творческой направленности. Наиболее часто в новеллах Кржижановского встречаются писатели и поэты: «Квадрат Пегаса», «Четки», «Поэтому», «Швы», «Собиратель щелей», «Автобиография трупа», «Книжная закладка», «Гусь», «Контролер», «Цыплята», «В очереди» и др. Не случайным видится выбор героя творческой деятельности. Именно писатель в литературе рубежа XIX-XX и XX века становится культовой фигурой. Личность художника наделяют противоречивыми качествами, однако общим является то, что эта противоречивость определяется катастрофизмом окружающей действительности.

Концепция личности художника, разработанная С.Д. Кржижановским, носит знаковый характер для всего творчества писателя. В каждом сборнике находим новеллы о

художнике, так что можно назвать данный образ доминантным в новеллистике автора. В основе художественного моделирования С.Д. Кржижановским творческой личности лежит интертекстуальная составляющая. В частности, писатель активно обращается к наследию русской классики (пушкинский комплекс пророческих мотивов и идея богоизбранности поэта) и к опыту модернистов (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, А. Белый и другие с их возможными интерпретациями образа писателя – от его сакрализации до полной дегуманизации и «диаволизации»). Разрабатывая образ художника, С.Д. Кржижановский опирался на различные мифопоэтические традиции и на библейский образ Художника Вселенной – Бога (комплекс мотивов истинной жертвенности, ответственности и др.).

Одним из ранних текстов Кржижановского, посвященных данной теме, является новелла «Поэтому» из цикла «Сказки для вундеркиндов». Характерной особенностью героя новеллы является безымянность. Интересно, что С.Д. Кржижановский большинству своих персонажей не дает имени, что само по себе является значимым.

Главный герой новеллы – очень молодой, скромный и, к сожалению, неизвестный поэт, именно в этом видится в данном случае причина его безымянности. Потеря самоидентификации поэтом, отсутствие определенного статуса выражены гиперболизированным чувством стыда героя: *«Поэту было стыдно, на нем порыжелое, трепаное пальтецо; стоптанные, сплошь в дырках сапоги»*[11 (1:178)].

В контексте новеллы фигурирует условный тип персонажа – слово «поэтому» (служебная часть речи) персонифицируется, превращается в червя и проникает в сердце поэта. С такой логической «червоточинной» в сердце герой из ранее безымянного обобщенно-типического поэта становится «эх-поэтом» (значение частицы «эх» здесь двойственно: «эх» как [экс] (бывший) и «эх» как междометие с семантикой потери, сожаления).

Смена «имени» героя влечет за собой изменение сущности творчества от креации к деконструкции и позволяет говорить о развивающемся мотиве мертвенности в образе эх-поэта.

С.Д. Кржижановский активно осмысливает концепцию взаимозависимости творца, источника вдохновения и результата творчества как сложнейшего механизма, охватывающего все сферы личности (рационально-логическую и эмоционально-чувственную), причем этический компонент выполняет здесь нередко главенствующую роль.

Автор мастерски обыгрывает ситуацию возможного «двоеженство» поэта на Весне и реальной земной девушке. Коннотация «брака» с Весной как символа выхода из земного мира приобретает ключевое значение: *«Иди за мной <...> от вечноюго к вечному»* [11 (1:193)]. Традиционная семантика Весны известна, а модернистское осмысление образа Весны, по наблюдению А. Ханзен-Леве, раскрывает «женскую природу вечности, объединяет в себе связанный с землей полюс Вечно-женственного и его небесное соответствие» [12:70].

Персонификация леса раскрывает границы потустороннего мира вечного инобытия. В контексте новеллы актуализирован мотив бракосочетания: это одновременно и стойкое земное желание поэта, и единственно возможный вариант абсолютного слияния двух элементов мира искусства – творца и предмета творчества, что обеспечит полноценное истинное мироощущение и адекватное последующее бытие поэта.

Тем самым автор выводит на первый план образ торжества стихии искусства над стихией жизни.

К сожалению, созидательный исход новеллы «Поэтому» едва ли не единственный на сотню новелл С.Д. Кржижановского.

Абсолютное же большинство героев-писателей С.Д. Кржижановского – несчастны в «жизнетворчестве». Причины их неудач разнообразны. Однако в основе жизни каждого писателя лежит дилемма, определенная автором как «быт или бытие».

Кроме них существуют и другие более поздние вариации подтипа творческой личности. С.Д. Кржижановский наделяет этих героев автобиографическими чертами и представляет в наиболее тяжелых жизненных обстоятельствах. Герои-писатели таких новелл как, «Чудак», «Книжная закладка», «Цыплята», «Контролер», «В очереди» и др., демонстрируют различные попытки творить, и творчество выступает единственным смыслообразующим началом в их жизни. Однако реализация творчества писателей С.Д. Кржижановского заключается в возможности найти в парке на скамейке случайного слушателя и поделиться с ним своими художественными идеями. Все, что рассказывает безымянный писатель, например, в новелле «Книжная закладка» это множество вариантов ситуаций и тем: взбесившаяся Эйфелева башня, кот, оказавшийся в экзистенциальной ситуации, путешествии стружки. Подобная ситуация повторяется в новелле «В очереди». Множество сложившихся произведений (стихи, комедия, толстый роман, поэма, фельетон и др.) существуют в мозге писателя. Но ни один из писателей не сможет воплотить свои идеи на бумаге. Знаменательно, что в позднем творчестве С.Д. Кржижановского явно нарастают знаки абсурда. Автор демонстрирует абсурдность творческой реализации в кризисной ситуации. Герои автора, осознавая важность и сакральность творчества, вынуждены признать и его абсолютную неактуальность во время катастрофы или посткатастрофы, вследствие чего они переживают свою прижизненную смерть, которая нередко совпадает с физической (герой новеллы «Чудак» самоотверженно следует за своей темой и, оказавшись на месте военных действий, погибает). Тем самым, автор постулирует безусловную наивысшую ценность творчества, но запечатлевает и так называемую «смерть» истинной литературы, музыки, искусства в целом.

В новеллистике С.Д. Кржижановского фигурирует иной подтип жизнеподобных персонажей – «думальщики»: философы, ученые и т.п. в которых доминантным (и нередко гипертрофированным) становится именно преобладание аналитического начала.

В ряде новелл: «Катастрофа», «Спиноза и паук», «Жизнеописание одной мысли», «Страница истории», С.Д. Кржижановский указывает на сверхорганизованную, дисциплинированную жизнь некоторых философов, в особенности И. Канта. Герои – «думальщики» пытаются сбалансировать стихию порядком, «логосом». Например, новелла «Разговор двух разговоров» представляет беседу двух людей: философа и писателя, которые никак не могут согласиться друг с другом, хотя их взгляды невероятно близки. Кажется, что речь идет скорее об одном человеке, не просто беседующем, а скорее спорящим с собой (подобные случаи встречаются в прозе писателя). Высказанные предположения подтверждает финал новеллы: *«<...> мышление – это разговор с самим собой <...> И так всегда: чтоб говорить с собой, приходится спиной к объекту разговора, миру, но, говоря не с собой, поневоле отворачиваешься от себя. Надо выбирать»* [11 (1:396)]. Формируется неразрешимая дилемма, продление которой находим в еще одной из ранних новелл «Якоби и ”Якобы”», где писатель сближает философию и филологию, мысль и слово, их взаиморепрезентацию. Данное сближение подчеркивает их созвучие:

философия – филология; герои – мыслитель Якоби и ожившее, вступившее в спор с философом слово ”Якобы”. Персонаж нетрадиционного типа повышенной художественной условности – персонифицированное слово ”Якобы” – представляет собой одновременно философское сомнение, и филологическую единицу. Поиск героя направлен на разрешение извечного спора о первичности наименований вещей (то есть филологии) или их значений (философия): *«вещи позабили, а наименования еще звучат»*, – беспокоится один из литературных героев автора [11 (1:113)]. Интересно, что на протяжении всего творчества герои С.Д. Кржижановского совершают мучительный выбор между философией и филологией (между Кантом и Шекспиром выбирает и сам Кржижановский). Филолого-философский спор возводится в художественный дискурс. Однако в поздней новелле «В очереди» находим авторское определение литературы (вариативное название филологии в контексте творчества С.Д. Кржижановского), которое соотнесем с определением философии. Итак, оба слова содержат общий формальный признак (корень) – «phil», который, как известно, в прямом переводе с греческого означает «люблю». Вторая часть слов также поддается общеизвестному переводу: «sophia» – мудрость (философия буквально «любовь к мудрости»), «logos» – слово (филология буквально «любовь к словам»). С.Д. Кржижановский определяет в новелле «Якоби и ”Якобы”»: *«<...> ”филология” значит ”любовь к Логосу”, то есть религия (и притом – единственно возможная в пределах человеческого сердца), религия Слова слов, благоговение производных звучаний к своему древнему Ветхому Корню»* [11 (1:113)]. В данной ситуации автор приводит еще один распространенный в философском контексте вариант перевода слова «logos» – Бог. Тем самым, автор указывает на корреляцию основ философского и филологического начал. Знаменательно, что во многих библейских текстах находим сближение Бога и мудрости, то, как два начала, то, как одно (Притчи 8, 12, 14). И, наконец, автор утверждает: *«... литература есть нечто, состоящее из литер, итер, по латыни «путь»»* [11 (3:320)]. Таким образом, извечный спор между философией и филологией, мыслью и словом, наукой и творчеством автор объединяет в единое концептуальное поле, соотнося с общим значением поиска истины. Именно поиском озадачены жизнеподобные персонажи С.Д. Кржижановского. Если философы (метафизики, думальщики, «неты», математики и другие представители науки) пытаются познать истину экспериментально (опытным путем), то писатели (филологи) воссоздают истину (буквально творят ее). Очередным объединяющим началом философов и филологов является также и итоги их поисков у С.Д. Кржижановского. И одни, и другие, оказавшись в мире посткатастрофы, признают, что истина больше не существует, а есть лишь ее осколки. Что подтверждает множество текстов новеллиста, эксплицирующих момент разрушения целостности мира «мир не цел» [11 (1:467)], автор употребляет во множественном числе «солнца» или использует выражения, например, «зажечь новое солнце» [11 (1:387)], акцентирована семантика «разрыва», например, в городах «все изрублено стенами и перегородками»

[11 (1:386)], акцентируются части человеческих тел, не существует ни одного завершенного героями-писателями текста и т.д. Данный ряд может быть существенно дополнен второстепенными образами, также лишенными целостности. Отныне не существует единой неоспоримой правды, истины, так как она «разлагается на Множество» [11 (1:113)]. Поскольку герои, движимые поиском, лишаются объекта познания, то их жизнь, подобно жизни писателей, наделяется чертами абсурда.

Создается еще один – условно назовем его синестезийный – подтип персонажа писателя–философа, научного экспериментатора (в области физики, математики и др.), который являет цикл новелл «Чужая тема». Сложное синтетическое объединение писательских способностей и философского поиска, сопряженного с постоянным сомнением и стремлением подтвердить свои предположения научным опытным путем – все эти черты формируют «странных» персонажей. За ними закрепляют понятие «чужаки».

«Странность» этих литературных героев заключается в их абсолютном сознательном одиночестве, претензии на признание, абсурдности образа жизни с общепринятой точки зрения. Все эти странные персонажи – истинные путешественники не только в прямом смысле, но и переносном. Так, Готфрид Левеникс, герой новеллы «Собиратель щелей», пытался преодолеть ничто. В начале теоретически, «щелинной этикой» (философская система), позднее «опытами с ничто», в конечном итоге герой сам бросается «живым в самую смерть» («дьяволово царство», «меж-мирье», «черная Страна Щелей») [11 (1:482)]. Мертвое пространство Страны Щелей, в котором герою удалось побывать, впоследствии убивает его.

Тем самым, автор варьирует идею смерти, вплетая ее в жизнь персонажей как их атрибутивную характеристику.

Поскольку литературные герои новеллиста наделены типичными чертами, то в ходе исследования приходим к выводу об инвариантной доминанте в художественной разработке, изображении персонажей жизнеподобного типа: профессиональная сфера литературных героев: писатель, филолог, философ, иногда фигурируют представители точных наук – математики, физики; преимущественное отсутствие имени, что само по себе значимо, реже – наличие специфичных «говорящих» имен, фамилий; общность многочисленных портретных характеристик, деталей одежды; образ жизни – абсурдное существование, переживание различных потрясений, связанных с творчеством, поиском истины и т.п.; трагическое завершение сюжетной линии: как правило, – потеря человеческой идентичности, гибель.

Перспектива дальнейшего исследования видится в последующем углубленном исследовании поэтики С.Д. Кржижановского в контексте русской и европейской литератур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80-90-х годов XX-го века: Монография /А.Ю.Мережинская; Киев. нац. ун-т им.Тараса Шевченко. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2001. – 433с.
2. Лихачев Д.С. Возрастание личностного начала в литературе XVIII века // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб., 1999. – С.404-430;
3. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ /Отв. ред. Д.С.Лихачев; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л.: Наука. ЛО, 1984. – 205с.
4. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе /Лидия Гинзбург. – М.: INTRADA, 1999. – 415с.
5. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX веков / Лидия Колобаева. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 333, [2]с.
6. Буровцева Н.Ю. Проза С.Кржижановского: проблемы поэтики: автореф. дис. на

- соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Моск. гос.пед.ун-т / Буровцева Наталья Юрьевна. – М., 1998. – 16с.
7. Делекторская И.Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского (от шекспироведения к философии искусства): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Российский гос. гум. ун-т / Делекторская Иоанна Борисовна. – М., 2000. – 15с.
  8. Подина Л.В. Пространство время в художественном мире С. Кржижановского: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Самарский государственный ун-т/ Подина Лариса Вячеславовна. – Самара, 2002. – 26с.
  9. Синицкая А.В. Пространственность и метафоричность сюжета (на материале произведений С.Кржижановского и К.Вагинова): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.08 / Самарский гос. ун-т / Синицкая Анна Владимировна. – Самара, 2004. – 18с.
  10. Мансков А.А. Поэтика «Музыкальных новелл» С.Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Алт. гос. ун-т / Мансков Алексей Анатольевич. – Барнаул. – 2007. – 18с.
  11. Кржижановский С.Д. Чужая тема. Собрание починений: В 5-ти т. – Т.1-4 / Сост., предисл. и комм. В.Перельмутера. – СПб.: Симпозиум, 2001–2006. – Т.1. – 687с.; Т.2. – 701с.; Т.3. – 673с.; Т.4. – 848с.
  12. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика /А. Ханзен-Леве; [пер. с нем. С.Бромерло и др.]. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816с. – (Современная западная русистика).

Шуберт А.Н., канд. філол. наук, доцент
НПУ ім. М.П. Драгоманова, Київ

ЖИТТЄПОДІБНІ ПЕРСОНАЖІ В НОВЕЛІСТИЦІ С.Д. КРЖИЖАНОВСЬКОГО

У статті досліджуються життєподібні типи героїв новелістики С.Д. Кржижановського: художник, мислитель, філософ, синестезійний тип. Систематизовані типові риси в зображенні життєподібних персонажів: професійна сфера, відсутність імені, спільність портретних рис, трагізм буття: втрата ідентичності та абсурдизація життя.

***Ключові слова:** С.Д. Кржижановський, концепція людини, перехідна епоха, життєподібний тип: художник, мислитель, філософ, синестезійний тип.*

Shubert A., PhD, docent
Dragomanov national pedagogical university, Kyiv

LIFE-REAL HEROES OF SHORT STORIES BY S. KRZIZANOVSKIY

The author of the article investigates the specificity of characters in short stories by S.D. Krzizanovskiy and emphasizes life-real heroes: artist, speculator, sophist, synthesized type. The typical traits of life-real heroes are as follows: professional domain, absence of

names, collectivity of portrait's traits, tragedy of existence: losing identity and transformation of their lives into absurd are considered.

Key words: *S.D. Krzizanovskiy, conception of person, transitive epoch, life-real heroes: artist, speculator, sophist, synthesized type of heroes.*

УДК 82.0

Юдін О.А., докторант

НПУ ім. Драгоманова, Київ

ПРОБЛЕМАТИЗАЦІЯ АВТОРА В ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВІ ХХ СТОЛІТТЯ

У статті виділяються три лінії проблематизації поняття автора в літературознавстві ХХ ст.: теоретико-літературна, герменевтична та соціологічна. Стверджується необхідність пошуку точок дотику між цими різними дискурсами, переходу від надісторичного поняття автора як свідомості до його історичного вивчення як культурного феномену і доповнення традиційного розрізнення між автором як особою, об'єктом автора і автором-творцем і поняттям інституту авторства.

Ключові слова: *автор, проблематизація автора, інститут авторства.*

Після того як наприкінці 60-х років ХХ ст. французькими постструктуралістами поняття автора було піддано критиці як ідеологічний конструкт і була поставлена під сумнів доцільність його використання в аналізі тексту на користь понять мови, письма та читача, проблема автора вже майже півстоліття традиційно вважається найбільш суперечливою у літературознавстві. В останнє десятиліття суперечка навколо «дискурсу смерті автора» (Ролан Барт, Мішель Фуко, Жак Дерріда) втратила свою гостроту. На противагу до нього була висунута теза про «повернення автора» (Шон Берк) [30]. Чимало дослідників – як вітчизняних, так і зарубіжних, як у проблемних статтях, так і в енциклопедичних або в посібниках – стверджують необхідність чи принаймні погоджуються з тенденцією повернення до автороцентричного літературознавства [див.: 1; 2; 13; 16; 18; 22; 23; 24; 27; 34; 36; 44; 49; 50]. Робляться спроби підвести підсумки, начебто вказана суперечка зовсім відійшла в минуле. Головний її позитивний підсумок вбачається у тому, що вона допомогла позбутися крайнощів історико-літературної контекстуалізації, зайвого біографізму й відділити емпіричного автора від автора текстуального [16, 112; 7, 19-31]. Дискусія постає як внутрішній епізод в історії літературознавства, пов'язаний з перебільшеною реакцією на шаблонізацію типових методів, усуненням методичних розбіжностей і помилок, зрештою, ростом знань, появою нових підходів, а отже, почасти, з загальним розвитком культури, а відтак загалом вписується в уявлення про лінійний розвиток літературознавства як нормальної науки у сенсі Томаса Куна [17, 22-24, 28-30].

Однак таке пояснення є дещо спрощеним. По-перше, воно залишає поза увагою той факт, що затишшя на цьому дискусійному майданчику пов'язане не з тим, що були знайдені всі контраргументи й засвоєні всі позитивні підсумки, відбулося розмежування

© Юдін О.А., 2015